

ПЯТЫЙ ГОДЪ

Гроза девятымъ января.
Гроза Аргуромъ и Цусимой,
Уже кровавая зоря,
Раскинулась необозримо

Четверть вѣка - цѣлая вѣчность — прошла съ этихъ преломившихъ русскую исторію событій. И поминая сейчасъ двадцатипятилѣтіе первой русской революціи, мы поминаемъ его, конечно, не потому, что она произошла, а «что прошло — то мило: все мило, а не въ просѣянномъ видѣ», — какъ пытается насъ увѣрить М. А. Осоргинъ въ своихъ, печатаемыхъ выше, воспоминаніяхъ о пятомъ годѣ. Нѣтъ, далеко не все въ прошломъ «мило»! Многое по прежнему остается ненавистнымъ и въ прошломъ, какъ навѣки останется ненавистнымъ и многое въ нынѣшнемъ...

Мы скорѣе присоединились бы къ словамъ французскаго премьера Тарды, которому и правыя убѣжденія не помѣшали сказать на официальномъ чествованіи іюльской революціи 1830 г., что, празднуя столѣтіе «трехъ славныхъ дней», Франція чествуетъ не междуусобные бои между французами, а непрерывность демократическаго прогресса, сказавшуюся въ торжествѣ іюльской революціи, коимъ отмѣчено возвращеніе, послѣ прерыва въ 40 лѣтъ, къ вѣчнымъ началамъ 1789 г. Правда, и революціи 30-го года оказалось недостаточно, и 48-ой годъ очутился передъ тѣми же задачами, которыя были реализованы частично лишь четверть вѣка спустя...

Такимъ путемъ, въ результатѣ не одной революціи и не одного прерыва въ своемъ мирномъ и революціонномъ развитіи пришла къ своему нынѣшнему устройству даже Франція — передовая страна демократіи и родоначальница континентальной свободы.

Нынѣшнее состояніе Россіи — особенно кошмаръ послѣднихъ мѣсяцевъ и дней — внушаетъ менѣе всего увѣ-

ренности въ непрерывность человѣческаго прогресса вообще и демократическаго развитія Россіи въ особенности. Возникаетъ даже вопросъ объ элементарной социальнополитической устойчивости русскаго государства. И тѣмъ не менѣе только съ самой общей точки зрѣнія, не различающей никакихъ историческихъ контуровъ и профилей, періодовъ и датъ, подъемовъ и низинъ, сливающей въ нежизненное и абстрактное единство всѣ историческіе процессы, можно не различать между октябрёмъ пятаго года и октябрьемъ семнадцатаго.

Именно такой анти-исторической прямой соединяютъ пятый годъ съ послѣдствіями октября семнадцатаго и крайніе враги всякой революціи, и безкрайніе ея энтузіасты. И тѣмъ, и другимъ близорукость и неспособность различать историческіе цвѣта и краски представляются особенно зоркимъ проникновеніемъ въ историческую даль и глубь.

«Черные» идеологи, оказывается, «сразу по «альфѣ» (1905) опредѣлили «омегу» (1917) русской революціи» (См. «Первый день конституціи» у В. В. Шульгина: «Дни»). И тотъ же даръ предвидѣнія заднимъ числомъ обнаружили нынѣшніе «красные» властители Россіи и ея печатныхъ средствъ производства. Въ специальныхъ, посвященныхъ 1905-му году совѣтскихъ изданіяхъ настойчивѣе всего доказывается, что «Начало пролетарской революціи» - (подъ такимъ заглавіемъ былъ прочитанъ М. Н. Покровскимъ докладъ на общемъ собраніи Ассоціаціи научно-ислѣдовательскихъ институтовъ обществовѣдѣнія 16-I 926 г.) — датируетъ пятымъ годомъ, а не 17-мъ.

«Я разсматриваю нашу революцію, какъ одно цѣлое, какъ три большихъ эпизода, называя по мѣсяцамъ: декабрь 1905 г., февраль 1917 г. и октябрь 1917 г.», — пишетъ совѣтскій Карамзинъ, Покровскій. Онъ не можетъ скрыть отъ своихъ натасканныхъ въ большевицкомъ писанинѣ слушателей, что «это какъ будто противорѣчитъ тому, о чемъ я писалъ сравнительно недавно, и что мы вообще знаемъ, именно, что революція 1905 г. была чисто буржуазной революціей, между тѣмъ какъ октябрьская революція была безусловно, безспорно (въ томъ достаточная порука - честное слово Покровскаго!) социалистической революціей. Но тутъ придется внести нѣкоторую поправку къ той поправкѣ, которую мы должны были сдѣлать, воюя съ теоріей перманентной революціи»...

Фракціонно-прикладной цѣли своей прошлой исторической схемы не скрываетъ и Покровский. Наивно-прикладную цѣль — нѣкое повышеніе въ рангѣ революціи пятого года, по случаю ея 25-лѣтняго юбилея, пожалованіе ея званіемъ «пролетарской», — преслѣдуетъ Покровский и сейчасъ, когда утверждаетъ, что «между нашими тремя революціями нѣтъ разрыва» — «эти три выступленія приходится разсматривать, какъ одно цѣлое». Но и менѣе испытанные большевицкіе историки, характеризуня событія 905 года, почитаютъ долгомъ своей большевицкой совѣсти утверждать, что «въ декабрѣ 1905 г. на улицу, на баррикаду противъ установленнаго порядка вещей выступилъ не буржуа, не третій элементъ, не студентъ, не курсистка», а «передовой классъ — пролетаріатъ». Революція 1905 г. была буржуазная — по своему социальному содержанию, но по средствамъ борьбы она была пролетарской: «движущей силой этой революціи была не буржуазія, а пролетаріатъ» (См., напр., предисловіе В. Невскаго къ «Хроникѣ вооруженной борьбы» въ 1905 г. въ № 11-12 «Краснаго Архива»).

Это, конечно, тенденціозно, преувеличено и неправильно въ своей основѣ. Если между пятымъ годомъ и семнадцатымъ нѣтъ той бездны, которая раздѣляетъ Октябрь 17-го года отъ Февраля, — все же многое отличается пятый годъ и отъ Февраля 17-го года.

Не правъ, конечно, М. А. Осоргинъ, когда, вспоминая свое и наше прошлое, онъ утверждаетъ будто революція пятого года «не была «массовой», и вдохновляли ее единицы интеллигенты». Вдохновеніе всегда и во всемъ идетъ отъ единицъ, «интеллигентовъ». И всякую революцію всегда вдохновляютъ единицы и возглавляютъ интеллигенты. Именно потому и поносятъ такъ интеллигентовъ — «духовную память народа» — безпамятные враги революціи, даже интеллигентные... Вѣрно, революція пятого года была несравненно героичнѣе 17-го года, когда, по правильному замѣчанію Осоргина, «гораздо большимъ героизмомъ было не принимать революціи, чѣмъ клясться въ вѣрности новому, красному русскому знамени», чѣ февраль 17-го года даже такихъ «геросвъ» — не нашлось.

Неправильно, однако, утверждать, что «теперь забытый годъ» героиченъ былъ потому, что его отмѣчаетъ «пресбладающая роль единицъ». Въ пятомъ году героичны были

ли и массы. И, вопреки тому, что о ней говорилъ Ленинъ, и въ пятомъ году революція, конечно, была м а с с о в о й, ибо иначе пятый годъ не былъ бы годомъ революціи...

Можно сказать, что въ пятомъ году революцію дѣлали, тогда какъ въ 17-мъ она «сдѣлалась» сама, мало кѣмъ даже предвидѣнная. И потому въ пятомъ году единицы и массы шли на рискъ и на жертвы, тогда какъ въ 17 году все такъ молниеносно свершилось, что въ особой жертвенности и нужды не было, и вмѣсто жертвы, люди нетерпѣливо стали требовать немедленной жатвы революціонныхъ «завоеваній».

Революція 1905 г. была массовой и всенародной. Но, какъ ни широко былъ ея обхватъ, она все же не захватила всей націи цѣликомъ, какъ въ 17-мъ году, когда отъ существующаго строя отвернулись не только интеллигенція и «массы», но и «первенствующіе» сословія и чины: дворянство и духовенство, Сенатъ, Синодъ, Государственный Совѣтъ, почти все «Семейство». Въ 17-мъ году только одиночки и только про себя не приняли революціи. А въ пятомъ году въ каждомъ классѣ и сословіи оставались явные и скрытые враги революціи, ни на минуту не слившейся въ общее единство «двѣ націи», на которыя искомъ, еще съ до-петровскихъ временъ, распадалась Россія. Даже наиболѣе революціонный, рабочій классъ и тотъ далеко не весь былъ увлеченъ революціей.

Достаточно напомнить, что всего за два дня до того, какъ революція пятаго года началась, въ вышедшемъ 7-го января № 63 «Освобожденія» П. Б. Струве, обязываясь «всякими средствами ускорить рожденіе революціоннаго народа», констатировалъ горестный фактъ — «революціоннаго народа въ Россіи еще нѣтъ»...

И Струве былъ правъ! Ибо и Ленинъ — самъ Ленинъ! — обзрѣвая событія изъ историческаго далека, приводитъ данныя, только подтверждающія фактъ отсутствія революціоннаго народа наканунѣ революціи пятаго года. За полтора мѣсяца до февральскаго взрыва Ленинъ ориентировался не на русскую революцію, а на «народныя возстанія въ Европѣ», которыя должны вспыхнуть въ «ближайшіе годы». Допуская, что «мы, старики, можетъ быть, не доживемъ до рѣшающихъ битвъ этой грядущей революціи», Ленинъ, въ рѣчи передъ рабочей молодежью въ Цюрихѣ, по случаю 12-лѣтія 9-го января какъ бы пре-

люждаетъ — или завѣщаетъ — будущимъ участникамъ «народныхъ возстаній въ Европѣ» опытъ и преданья ихъ русскихъ предшественниковъ.

Онъ говорилъ: «До 22-го (по старому стилю 9-го) января 1905 г. революціонная партія Россіи состояла изъ небольшой кучки людей... Пѣсколько сотенъ революціонныхъ организаторовъ, нѣсколько тысячъ членовъ мѣстныхъ организаций, подлюжины выходящихъ не чаще раза въ мѣсяць революціонныхъ листовъ, которые издавались главнымъ образомъ за границей и контрабанднымъ путемъ, съ цѣвфройными трудностями и цѣной многихъ жертвъ пересылались въ Россію, — таковы были революціонныя партіи въ Россіи и въ первую очередь революціонная социаль-демократія до 22 января 1905 года». — Это по оцѣнкѣ челоувѣка, скорѣе склоннаго преувеличить, нежели недооцѣнить силу «пролетарскихъ баталіоновъ».

И далѣе, утверждалъ, что вообще «нельзя понять событий русской революціи и смѣны ея политическихъ формъ, если по статистикѣ забастовокъ не изучать основы этихъ событий и этой смѣны формъ», Ленинъ приводитъ слѣдующую справку о стачкахъ — «главнаго пролетарскаго средства раскачиванія массъ»: «Средняя годовая цифра бастующихъ въ Россіи въ теченіе 10 лѣтъ до революціи равнялась 43 тысячамъ. Въ январѣ 1905 г., въ первый мѣсяць революціи, число бастующихъ составляло 440 тысячъ. Значить, за одинъ мѣсяць больше, чѣмъ за все предыдущее десятилѣтіе».

Но и эти цифры, характеризующія необычайный ростъ участія рабочаго класса въ русскомъ освободительномъ движеніи, блѣднѣютъ при сопоставленіи ихъ съ общимъ числомъ бастовавшихъ въ пятомъ году. По подсчетамъ самого Ленина выходитъ, что «общее количество бастующихъ въ 1905 г. равнялось 2 милл. 800 тыс. — въ два раза больше общаго количества фабричныхъ рабочихъ!» *).

Къ 1905-му году «классическій» типъ бунтаря-революціонера интеллигента, «нигилиста» и «студента», оказалъ уже историческимъ пережиткомъ. Онъ былъ вытѣсненъ далеко не всегда представителемъ «наиболѣе пере-

*) См. Изданіе «Комиссіи ЦИК СССР по организациіи празднованія 20-лѣтія революціи 1905 года и ИСТПАРТ ЦК РКП(б) — : «1905» — Т. I «Предпосылки революціи»

доваго», рабочего класса, а наиболѣе распространеннымъ въ пятомъ году типомъ — забастовщика. Ибо бастовали тогда всѣ: и низы, и верхи, рабочіе и курсистки, профессора и чиновники, батраки и ремесленники, общественныя учрежденія и «правительственныя». Бастовали столицы и крупные промышленные центры, и самые захолустные медвѣжки углы. Въ движеніе пришли не «профессиональные» только революціонеры, а подлинная масса, Россія.

Только это и превратило нятый годъ, въ отличіе отъ ему предшествовавшихъ и за нимъ послѣдовавшихъ, въ годъ революціи. Ибо для того, чтобы революція была, одинаково необходимы два начала: идея, «прорывающаяся въ дѣйствительность», и социальная сила или масса, «мобилизуемая» этой идеей (Ср. E. Lederer: *Einige Gedanken zur Soziologie der Revolution*).

Какъ могло это случиться? Какъ случилось, что богоспасаемая и царепослушная Русь всколыхнулась отъ края и до края? Что за идея ворвалась въ русскую дѣйствительность, прорвала ее и мобилизовала массы, еще наканунѣ, казалось, столь инертныя и властенослушныя?

Вѣдь двигавшаяся 9-го января по улицамъ Петербурга стотысячная масса рабочихъ состояла изъ наиболѣе передовыхъ и сознательныхъ кадровъ столичнаго пролетаріата. Съ хоругвями, иконами и царскими портретами, съ вѣрой въ Бога и съ надеждой на царя, несла эта масса петицію, въ которой не требовала, а молила: «Государь! Не откажи въ помощи твоему народу! Разрушь стѣну между тобой и твоимъ народомъ. Повели и поклянись, чтобы исполнились наши просьбы, и ты сдѣлаешь Россію счастливой: если нѣтъ, тогда мы готовы умереть тутъ же. У насъ только два пути: свобода и счастье или могила».

И могила, а не свобода, открылась передъ многими участниками этого шествія. И только тогда, послѣ предметнаго урока 9-го января, была убита навсегда въ русскомъ рабочемъ классѣ вѣра въ батюшку-царя *).

*) Даже большевннцкіе историки не рискуютъ отрицать того, что «вѣра въ царя» была крѣпка въ русскомъ рабочемъ классѣ до самаго краснаго воскреселья. Они только смнчаютъ этотъ неприятыи для нихъ рабочелюбческаго благочестія фактъ тѣмъ, что приписываютъ эту вѣру въ царя «сѣрой массѣ пролетаріата» — См. г II указанного выше изданія Комиссіи ЦИК СССР и т. д. стр. 53.

Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что русскій рабочій политически пробудился вовсе не раньше другихъ слоевъ населенія, а, если не считать крестьянства, позднѣе другихъ. Даже японская война, приведшая въ такое возбужденіе русскую общественность, земско-городскіе, помѣстно-дворянскіе и промышленно-либеральные круги, — въ «передовомъ» рабочемъ классѣ, не вытравила окончательно ихъ вѣрноподданическихъ чувствъ и вѣры.

Настроенія революціонной интеллигенціи и свободомыслящей общественности ушли далеко впередъ. И только 9-ое января на короткій срокъ выравнивало чувства и мысли культурныхъ верховъ *) и низовъ съ тѣмъ, чтобы уже къ октябрю 1905 г. настроенія и требованія низовъ или тѣхъ, кто считалъ себя правомочнымъ говорить отъ ихъ имени, оставили далеко за собой всѣ другія. Пока общественно-либеральные интеллигентски-революціонные круги были одиноки, не имѣли за собой массы, какъ ни дальновидны были ихъ оцѣнки предсказанія, они оставались бсздѣйственны. Ихъ выступленія могли быть героичными, но, какъ правило, безрезультатными; отдавали вызывавшимъ только издѣвательство чернаго стана — романтизмомъ. Но какъ только политика царской власти откинула въ интеллигентскій лагерь ей преданныя массы, и въ сменной спайки и всеобщаго единенія оказалось достаточно для того, чтобы революція «произошла» и частично побѣдила.

Какая же идея ворвалась въ русскую жизнь? И съ какого времени она ворвалась?

Рѣдко какой документъ формулируетъ отвѣтъ на этотъ основной вопросъ русской исторіи болѣе отчетливо, чѣмъ мало кому извѣстная, сравнительно недавно опубликованная Записка, — не Докладъ! — представленная по личной инициативѣ Витте царю 9-го октября 1905 г.

Въ ней мы читаемъ: «Основной лозунгъ современнаго общественнаго движенія въ Россіи — свобода. Государственная организація имѣетъ не одно только внѣшнее или

*) «День 9 января создалъ кровавую традицію. И это страшная сила, господа господа Романовы!» — восклицать «не романтикъ революціи, лишенный чувства мѣры и чутка дѣйствительности, не риторъ, расчитывающій сильными выраженіями достигнуть памфлетнаго политическаго эффекта», а — редакторъ «Освобожденія» Петръ Струве, «взявшій свои чувства и убѣдившійся, что такъ должны чувствоваться множество русскихъ людей».. См. «Освобожденіе» № 65.

историческое оправданіе, т. е. государство не можетъ жить и развиваться только потому, что оно существуетъ. Оно оправдывается и внутренне заложенной въ его существо идеей, т. е. для жизни государства должна быть цѣль, государство живетъ во имя' чего-нибудь... Въ государствѣ исключительно быстро наступаетъ торжество формы надъ идеей. Право, дѣйствующее въ странѣ, получаетъ оцѣнку постольку, постольку оно охраняетъ данный строй и данный способъ управленія. Свобода --- постольку она совмѣстима съ такимъ искусственно построеннымъ правомъ.

Идея, однако, никогда не умираетъ. Если форма, ставшая внѣшнимъ фактомъ, своей реальной силой не даетъ ей горѣть во всемъ блескѣ, она теплится, какъ раскаленный уголь въ грудѣ золы. Повѣсть вѣтромъ, — уголь вспыхнетъ яркимъ пламенемъ. Пойдетъ дождь, онъ снова будетъ мерцать едва замѣтно до новой вспышки.

Не годъ назадъ, конечно, зародилось выѣшнее освободительное движеніе. Его корни въ глубинѣ вѣковъ — въ Новгородѣ и Псковѣ, въ Запорожскомъ казачествѣ, въ низовой вольницѣ Поволжья, въ церковномъ расколѣ, въ протестѣ противъ реформъ Петра съ призывомъ къ идеализированной самобытной старинѣ, въ бунтѣ декабристовъ, въ дѣлѣ Петрашевскаго, въ великомъ актѣ 19 февраля 1861 года и, говоря вообще, въ природѣ всякаго человѣка. Человѣкъ всегда стремится къ свободѣ. Человѣкъ къ культурной — къ свободѣ и праву: къ свободѣ, регулируемой правомъ и правомъ обезпечиваемой.

...Лозунгъ «свобода» долженъ стать лозунгомъ правительственной дѣятельности. Другого исхода для спасенія государства нѣтъ. Ходъ историческаго прогресса неудержимъ. Идея гражданской свободы восторжествуетъ, если не путемъ реформы, то путемъ революціи. Но въ послѣднемъ случаѣ она возродится изъ пепла испровергнутого тысячелѣтняго прошлаго. Русскій бунтъ, безмысленный и безпошадный, все смететъ, все повергнетъ въ прахъ. Какою выйдетъ Россія изъ безпримѣрнаго испытанія, — умъ отказывается себѣ представить; ужасы русскаго бун-

та могутъ превзойти все то, что было въ исторіи. Возможное чужеземное вмѣшательство разорветъ страну на части. Попытки осуществить идеалы теоретическаго социализма, — онѣ будутъ неудачны, но онѣ будутъ несомнѣнно, — разрушать семью, выраженіе религіознаго культа, собственность, всѣ основы права.

...Государственная власть должна быть готова вступить и на путь конституціонный. Это слово не должно пугать и быть подъ запретомъ. Государственная власть должна искренно и явно стремиться къ благу государства, а не къ сохраненію той или другой формы. Пусть докажутъ, что благо государства въ конституціи, — самодержавный монархъ, интересы коего не могутъ быть отдѣлены отъ блага народнаго, первый, безъ сомнѣнія, станетъ на этотъ путь. Опасенію здѣсь не можетъ быть мѣста, и надо имѣть въ виду и готовиться и къ этому исходу... Выбора нѣтъ: или стать во главѣ охватившаго страну движенія, или отдать ее на растерзаніе стихійныхъ силъ. Казни и потоки крови только ускорятъ взрывъ. За ними наступитъ дикій разгулъ низменныхъ человѣческихъ страстей».

Историческій докладъ, опубликованный вмѣстѣ съ манифестомъ 17 октября и составленный Витте по порученію царя, гораздо менѣе яркъ и болѣе сдержанъ. Но и въ немъ дана почти классическая формула, — почему и когда происходятъ вообще революціи.

Докладъ рѣшительно отказывается отъ традиціонно-полицейской версіи о существованіи лишь крамольниковъ и зачинщиковъ - смутьяновъ, вызывающихъ революцію. Онъ становится на болѣе углубленную, и с т о р и ч е с к у ю точку зрѣнія. «Волненіе охватившее разнообразныя слои русскаго общества, не можетъ быть разсматриваемо, какъ слѣдствіе частичныхъ несовершенствъ государственнаго и социальнаго устроенія или только какъ результатъ организованныхъ дѣйствій крайнихъ партій. Корни этого волненія залегаютъ глубже въ нарушенномъ равновѣсіи между идейными стремленіями русскаго мыслящаго общества и внѣшними формами его жизни. Россія переросла форму существующаго строя и стремится къ строю правовому на основѣ гражданской свободы».

Нарушенное равновѣсіе между идейными стремленіями и внѣшними формами жизни, — въ марксистскихъ терминахъ: расхожденіе между «сознаніемъ» и «бытіемъ» — и

вызвало революцію пятого года, было ея подлинной причиною, опредѣлило ея историческую необходимость *).

Эту необходимость первоначально осознала лишь «чучка» лицъ, ничтожнѣйшее меньшинство, одиночки революціонеры и социалисты, только въ процессѣ все возрастающихъ ошибокъ и преступленій власти превращавшееся въ подавляющее большинство. Конечно, манифестъ 17 октября былъ «вырванъ» у самодержавія. Но вырванъ не Витте, съ излишней подробностью доказывающимъ въ своихъ воспоминаніяхъ этотъ совершенно безспорный фактъ и свою вѣроподданническую лояльность монархii. Манифестъ былъ вырванъ событиями. И не столько единодушными требованіями общества, сколько неуверенностью власти въ прочности своихъ силъ и опоры. Манифестъ былъ вырванъ, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно, и въ запоздалости его была одна изъ причинъ его фактической безрезультатности.

Не нарисованная Витте перспектива — «отдать страну на растерзаніе стихійныхъ силъ» опредѣлила волю русскаго самодержца; не «казни и потоки крови» устроили его и побудили «уступить» — предпочесть конституцію диктатурѣ. Нѣтъ! Не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что рѣшеніе Николая II продиктовано не совѣтами Витте, а простою справкой о состояніи воинскихъ и полицейскихъ частей, данныхъ ему военнымъ министромъ (ген. Редигромъ) и министромъ полиціи (въ званіи товарища министра внутреннихъ дѣлъ ген. Треповымъ) и скрѣпленнымъ авторитетомъ командующаго войсками петербургскаго военнаго округа, ближайшаго совѣтника царя — вел. кн. Николая Николаевича.

Начиная съ самаго 9-го января, въ теченіе всего пятого года министры не перестаютъ бомбардировать царя

*) Кошачье для «патріотическаго» или «коммунистическаго» уха сопоставленіе Витте съ Марксомъ или текста «вѣроподданнѣйшаго доклада» съ «Коммунистическимъ Манифестомъ» можетъ быть упразднено справкой изъ «Введенія къ уложенію государственныхъ законовъ», въ которомъ Сперанскій, еще до Витте и Маркса, въ 1809 году писалъ: «Никакое право, съ духомъ времени не сообразное, противъ всемогущаго ея дѣйствія устоять не можетъ»; «сколько бѣдствій, сколько крови можно было сберечь, если бы правители державъ, точнѣе наблюдая движеніе общественнаго духа, сообразовались ему въ началахъ политическихъ системъ, и не народъ приспособляли къ правленію, но правленіе къ состоянію народа»

всвозможными записками и докладами (политически безцвѣтные записки министра финансовъ Коковцева отъ 11, 16 и 19 января и яркія записки быв. министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ Ермолова, отъ 17 и 31 января, и В. И. Ковалевскаго отъ 7 апрѣля *)). Но царь не внемлетъ никакимъ запискамъ и докладамъ своихъ собственныхъ приближенныхъ, даже удостоивая формальнаго высочайшаго одобренія ихъ предположенія. Тѣмъ меньше считается онъ съ заявленіями и петиціями оппозиціонной, но его величеству лойяльной оппозиціи земско-городскихъ круговъ. Сколько можетъ, сопротивляется онъ даже тому, чтобы выслушать мнѣніе наиболѣе крупнаго своего государственнаго дѣятеля Витте, котораго признаютъ за такового не только мать государя, но и искренніе недоброжелатели Витте — Побѣдоносцевъ и Левъ Тихоміровъ. (См. новѣйшій матеріалъ, опубликованный въ «Красномъ Архивѣ» т. т. 22, 30 и 38).

Не надо знать всего послѣдующаго, исторіи слѣдующаго 12-лѣтія — безчеловѣчныхъ карательныхъ экспедицій, новыхъ основныхъ законовъ, роспуска двухъ Думъ, акта 3-го іюня, столыпинскихъ «габсбурговъ», аграрнаго творчества «русскаго Бисмарка», войны и распутиновщины, когда самодержавная «власть подъ Хлыстомъ» вновь вручала «власть съ хлыстомъ» знакомымъ еще по пятому году персонажамъ: Горемыкину, Штюрмеру и Ко. Доста-

*) А. С. Ермоловъ предлагаетъ царю «подумать о томъ, на какихъ началахъ самодержавное правленіе Ваше должно изйти опору. На одну вооруженную силу, на одни войска Вамъ опираться нельзя... Вы можете опереться только на народъ, но для этого нужно, чтобы народъ могъ въ Васъ вѣрить и продолжать видѣть въ Васъ своего защитника, а между тѣмъ посмотрите, что происходитъ 9-го января». Черезъ двѣ недѣли въ запискѣ отъ 31 января Ермоловъ уточняетъ свои положительныя предложенія. Онъ рекомендуетъ царю обратиться къ населенію съ манифестомъ о «непреложномъ рѣшеніи выслушать голосъ русскаго народа и созвать... свободно избранныхъ представителей отъ всѣхъ сословій русской земли, въ видѣ всепародной земской Думы... (Красн. Архивъ», т. 8).

Предвосхищая мнѣніе Витте, В. И. Ковалевскій пишетъ: «Было бы пагубною ошибкой думать, что небольшая группа «крамольниковъ» создали всю теперешнюю смуту и повсемѣстное броженіе въ умахъ и на улицахъ. Нѣтъ, — они родились отъ всеобщаго недовольства гнетомъ и безправіемъ... Я не смѣю скрывать отъ своего государя, что Россія находится наканунѣ жестокайшей изъ революцій, послѣдствія

точно помнить хронологическую смѣну событій, хотя бы за одинъ октябрь 1905 г., чтобы имѣть право утверждать, что самодержецъ ни на одну минуту и ни на одну йоту внутренне не соглашался ограничить свое самодержавіе. И самый историческій манифестъ 17 октября, оставившій російскій государственный строй на одиннадцать съ половиной лѣтъ безъ имени, — слово «конституція» нельзя было произнести: царь публично заявилъ: «самодержавіе мое останется при мнѣ, какъ и встарь», и растерявшіеся ученые всего міра, вмѣстѣ съ готскимъ альманахомъ, стали съ 1906 г. обозначать Россію, какъ «Empire constitutionnel sous un Tzar autocrate», — былъ и оставался лишь очереднымъ маневромъ власти.

8-го октября назначена всеобщая стачка желѣзныхъ дорогъ. И только въ этотъ день получаютъ Витте вызовъ на 9-ое октября въ Петергофъ, гдѣ представляетъ свою замѣчательную Записку и ставитъ передъ Николаемъ II отчетливую дилемму: диктатура, при помощи «рѣшительнаго военнаго», или конституція. Нѣсколько дней проходятъ въ нерѣшительности и колебаніи. 12-го царь какъ будто рѣшается стать на первый путь: ген. Трепову подчинены всѣ войска петербургскаго гарнизона, ему приказано возстановить порядокъ и не допускать незаконныхъ сборищъ. «Рѣшительный военный», въ свою очередь, отдаетъ приказъ — «патроновъ не жалѣть». Стачка разгора-

которой, какъ и всякой стихійной силы, не дано предвидѣть, человеческому разуму... Высочайшій манифестъ 18 февраля произвелъ самое удручающее впечатлѣніе и, казалось, означалъ послѣднюю надежду на просвѣтленіе омраченной русской жизни... Необходимо немедленно снять оковы съ русской мысли и русскаго духа и дать здоровый исходъ сжатымъ общественнымъ силамъ. Внѣ этого нѣтъ спасенія... Къ «крайнимъ» принадлежитъ въ настоящее время весь русскій народъ» («Красн. Архивъ», т 11-12).

Небезынтересно, можетъ быть, упомянуть еще о занискѣ нѣкоего Гофштеттера, представленной царю черезъ Трепова 8 мая 1905 г. Въ ней между прочимъ говорилось: «Не будучи пророкомъ, можно смѣло съ полной увѣренностью предсказать, что русская монархія или будетъ глубоко и сознательно демократической, или же черезъ какихъ-либо 10 лѣтъ никакой монархіи въ Россіи не будетъ» (Тамъ же). — Поразительно, съ какою точностью въ срокъ, съ ошибкой всего въ 2 года, этотъ прожекторъ и независимикъ «космополитичной, антинациональной интеллигенціи — слѣвного орудія организованной еврейской плутократіи», — предсказалъ гибель монархіи...

ется, становится подлинно всеобщей, и царь вновь обращает свои взоры въ сторону Витте и возможности встать на второй путь — путь уступокъ и конституціи.

13-го царь телеграфируетъ Витте, что поручаетъ ему «объединить дѣятельность министровъ, которымъ ставитъ цѣлью возстановить порядокъ повсемѣстно». Онъ уже соглашается на «совмѣстную созидательную работу правительства съ имѣющими быть свободно избранными представителями народа моего», но считаетъ это возможнымъ «только при спокойномъ теченіи государственной жизни». Иными словами, пресловутое: сначала успокоеніе — потомъ реформы. Но событія развиваются быстро и грозно. И уже къ вечеру 14-го Витте телефонируютъ изъ дворца, чтобы онъ явился на слѣдующій день утромъ въ Петергофъ на совѣщаніе и привезъ проектъ манифеста, такъ какъ необходимо, чтобы «все исходило лично отъ государя и нужно вывести намѣченныя въ его докладѣ мѣры изъ области обѣщаній въ область государемъ даруемыхъ фактовъ».

Напрасно Витте, какъ бы предвидя послѣдующее, указываетъ, и не одинъ разъ, и царю, и его ближайшему окруженію, что было бы осторожнѣе не издавать манифеста, какъ документа, болѣе связывающаго и къ большому власти обязывающаго, а ограничиться однимъ утвержденіемъ всеподданнѣйшаго доклада Витте. Съ этимъ не соглашались. И нервоз, что вообще было «безповоротно» предрѣшено — еще до того, какъ рѣшено было остановиться на той или иной программѣ и довѣрить ся проведенію тому или другому, — это была какъ разъ форма обнародованія высочайшей воли. Изданіе манифеста было предрѣшено потому, что имъ тѣснѣ всего связывалось даруемое съ личностью дарителя... Этимъ интересовались больше всего.

Составленіе манифеста поручено Витте, который на петергофскомъ совѣщаніи 15 октября публично, передъ царемъ и въ присутствіи Николая Николаевича, министра двора Фредерикса и ген. - адъют. Рихтера, отстаиваетъ основныя положенія манифеста. Но за спиной Витте царь совѣщается одновременно и съ другими сановниками: съ Паленомъ, Игнатьевымъ, Чихаевымъ. Больше того, — Горемыкину и Булбергу даютъ на исправленіе проектъ манифеста Витте. Имъ поручаютъ составить свою редакцію манифеста. Какъ гоголевской Агафѣѣ Тихоновнѣ, хочется

соединить несоединимое — конституцію съ диктатурой: къ горемыкинскому тексту манифеста приставить Трепова въ качествѣ диктатора и Витте въ качествѣ премьера... 16-го ночью къ Витте ѣдутъ Фредериксъ съ Мосоловымъ, пытаются склонить его согласиться на текстъ Горемыкина. И только на слѣдующій день, когда движеніе не затихало, и даже всл. князь Николай Николаевичъ подержалъ «конституцію», за объективной невозможностью «диктатуры», въ виду отсутствія войскъ, царь, наконецъ, рѣшился утвердить и докладъ Витте, и его редакцію манифеста.

Возвращаясь вмѣстѣ съ Витте въ Петербургъ, Николай Николаевичъ, веселый и довольный, говорилъ Витте: «Сегодня 17 октября и 17 годовщина того дня, когда въ Боркахъ была спасена династія. Думается мнѣ, что и теперь династія спасается отъ неменьшей опасности сегодня происшедшимъ историческимъ актомъ», — такъ записалъ присутствовавшій при этомъ Н. Д. Оболенскій *).

Вспоминая нѣсколько поздиѣ психологію Николая II въ октябрьскіе дни, Витте не думалъ, что царь дѣйствовалъ въ состояніи испуга. Онъ былъ, однако, «совсѣмъ растерянь... Государь въ тѣ дни искалъ опоры въ силѣ. Онъ не нашелъ никого изъ числа поклонниковъ силы — всѣ струсили, а потому самъ желалъ манифеста, боясь, что иначе онъ совсѣмъ стухнетъ. Кромѣ того, въ глубин-

*) Со словъ Фредерикса известна драматическая обстановка, въ которой у Николая II «вырвано» было согласіе... Николаемъ Николаевичемъ: «Утромъ я подробно перелалъ государю нашъ ночной разговоръ (съ Витте); государь ничего не отвѣтилъ, вѣроятно, ожидая пріѣзда вел. кн. Николая Николаевича. Какъ только я вернулся къ себѣ, пріѣзжаетъ великій князь. Я ему рассказываю все происшедшее и говорю ему — : слѣдуетъ установить диктатуру, и ты (бар. Фредериксъ съ великимъ княземъ былъ на «ты») долженъ взять на себя диктаторство. Тогда великій князь вынимаетъ изъ кобура револьверъ и говоритъ — : ты видишь этотъ револьверъ, вотъ я сейчасъ пойду къ государю и буду умолять его подписать манифестъ и программу гр. Витте; или онъ подпишетъ, или я у него же пушу себѣ пулю въ лобъ изъ этого револьвера, и съ этими словами онъ отъ меня быстро ушелъ. Черезъ нѣкоторое время великій князь вернулся и передалъ мнѣ повелѣніе переписать въ окончательный видъ манифестъ и докладъ» (С. Ю. Витте: «Воспоминанія», т. 2-й, стр. 35)

Къ этому моменту относится вѣроятно и справка военного министра Редисера о томъ, что «въ Петербургѣ нѣтъ желѣзнодорожныхъ

нѣ души не можетъ быть, чтобы онѣ не чувствовали, что главный, если не единственный, виновникъ позорнѣйшей и глупѣйшей войны, это онѣ». — И въ другомъ мѣстѣ —: «Государь, какъ слабый человѣкъ, болѣе всего вѣритъ въ физическую силу (другихъ, конечно), т. е. силу его защищающую и уничтожающую всѣхъ его дѣйствительныхъ и подозрѣваемыхъ, основательно или по ложнымъ навѣтамъ, враговъ, причеиъ, конечно, враги существующаго неограниченнаго, самопроизвольнаго и крѣпостническаго режима, по его убѣжденію, суть и его враги» (т. II, стр. 40-1 и 29).

Иначе, какъ «отчасти неблагонадежностью, а, главное, слабостью» войскъ, на которыя можно было бы рассчитывать, не можетъ себѣ и Витте объяснить, почему «государь не рѣшился на диктатуру». — Этимъ многое, если не все, сказано и о «конституціи», которую царь рѣшился «даровать»...

Въ опубликованной недавно перепискѣ съ матерью «бѣдный Ники», какъ называетъ себя царь, оправдывая издание манифеста, какъ бы оправдывается въ вѣнѣ. Онѣ объясняетъ въ письмѣ къ Маріи Федоровнѣ отъ 19 октября, — «мы находимся въ полной революціи при дезорганизаціи всего управленія страной... Почти всѣ, къ кому я ни обращался съ вопросомъ, отвѣчали мнѣ такъ же, какъ Витте, и находили, что другого выхода, кромѣ этого, нѣтъ... Это, въ сущности, и есть конституція», — произно-

частей, которыя могли бы возстановить движеніе хотя бы отъ Петербурга до Пегергофа. Командированные въ дѣйствующую армію изъ состава частей, оставшихся въ Россіи, полотноныя чинами запаса, «но среди послѣднихъ нынѣ началось всеобщее броженіе вследствие задержанія ихъ на службѣ послѣ заключенія мира. Эти обстоятельства, въ связи съ продолжительнымъ привлеченіемъ войскъ къ несенію полицейской службы въ значительной степени разстроили войска, оставшіяся внутри имперіи» («Красн. Арх.» № 11-12, стр. 82-3).

Въ то же время Куронаткинъ, сидя въ Шуанчешу, записываетъ въ дневникъ 23 декабря: «Я ознакомился съ настроеніями армій, находящихся въ Манчжуріи, и смѣло могу утверждать, что офицерскій составъ и нижніе чины возвраща къ прошлому, столь печальному, не желаютъ и этого возвраща считаютъ невозможнымъ... Дисциплина поникнула, и если начнется борьба за возвраща самодержавія, то во многихъ случаяхъ войска станутъ на сторону свободы и прогресса противъ мрачной реакціи. ...Слабость самодержавной власти привела Россію къ пораженію. Искупленіе можетъ быть одно, и имоль блгородное, — отказъ отъ самодержавія» («Красн. Арх.» т. 8).

силь онъ конфузливо, но все же отчетливо запретное даже для текста основныхъ законовъ слово *).

Не проходитъ, однако, и десяти дней, какъ царь уже по иному интерпретируетъ событія. «Народъ возмутился наглостью и дерзостью революціонеровъ и социалистовъ, и такъ какъ 9/10 изъ нихъ — жидаы, то вся злость обрушилась на тѣхъ — отсюда еврейскіе погромы. Поразительно, съ какимъ единодушіемъ и сразу это случилось во всѣхъ городахъ Россіи и Сибири... Но не однимъ жидамъ пришло плохо, досталось и русскимъ агитаторамъ, инженерамъ, адвокатамъ и всякимъ сквернымъ людямъ (въ Томскѣ, Симферополѣ, Твери и Одессѣ)». — Въ слѣдующихъ письмахъ царь жалуется, что «войскъ мало въ Ковнѣ, Вильнѣ, Москвѣ, Ригѣ», а «самое опасное явленіе» — аграрные беспорядки разрастаются; не перестаетъ возмущаться «жидовской кликой» и «заграничными жидами»; признается, что «очень усталъ головою, хотя тѣломъ здоровъ». Попутно онъ подтверждаетъ, что не напрасно общественная молва считала главнымъ наперсникомъ Николая II министра полиціи Трепова — : «Треповъ для меня незамѣнимый, своего рода, секретарь. Онъ опытенъ, уменъ, и остороженъ въ совѣтахъ. Я ему даю читать толстыя записки отъ Витте, и затѣмъ онъ мнѣ ихъ докладываетъ скоро и ясно. Это, конечно, секретъ для всѣхъ!»

Объ этомъ «секретѣ» не зналъ, но догадывался Витте, когда записывалъ: «Какой маленькій — великій благочестивѣйшій самодержавнѣйшій императоръ Николай II-ой!..»

Витте правъ, когда считаетъ всю исторію съ дарованіемъ манифеста — сплошной «игрой въ кашъ-кашъ», «сплетеніемъ трусости, слѣпоты, коварства и глупости».

Манифестъ не былъ результатомъ свободнаго или великодушнаго акта. Онъ былъ вынужденъ къ дарованію. И «дарованіе» произведено было не въ сознаніи необходимости для Россіи свободы, а по дѣйствию примитивнаго

*) «Произнесите слово: конституція». — Абждадь нѣсколько дней спустя Витте, приглашенный къ нему «для личнаго совѣта», П. Н. Митюковъ. На это Витте тогда же «просто и ясно» отвѣтилъ: «Я этого не могу, я не могу говорить о конституціи, потому что царь этого не хочетъ». (Подч. въ ори. См. П. Н. Митюкова: «Три попытки — Къ исторіи русскаго же-конституціонализма» 1921. Стр. 25)

инстинкта династическаго самосохраненія, заставившаго власть вступить на путь свободы за объективной невозможностью сопротивленія и избранія другого пути.

За время своего царствованія Николаю II приходилось не одинъ разъ «спасать Богомъ врученную ему державу». Онъ спасалъ ее въ разное время по разному. И въ октябрѣ пятаго года такимъ методомъ спасенія державы — или, точнѣе, трона — была «конституція», хотя бы и въ кавычкахъ. Только потому и встала власть на этотъ путь. И потому самому путь этотъ былъ обреченъ еще до того, какъ власть стала по нему шагать и маневрировать, двулично и безпомощно, спотыкаясь на каждомъ поворотѣ и компрометируя все безнадежнѣе и себя, и избранный ею путь.

И въ этомъ отношеніи Витте не отставалъ отъ носителя верховной власти. Съ гою, однако, существенной разницей, что Витте вынужденъ былъ считаться и съ волей царя и съ мнѣніемъ его приближенныхъ (въ первую очередь съ «конногвардейской» группой: Треповымъ, Фредериксомъ, Мосоловымъ, женатымъ на сестрѣ Трелова, и другими), тогда какъ царь могъ ни съ кѣмъ не считаться, кромѣ какъ съ голосомъ собственной совѣсти.

Не отъ революціи пятаго года пришло русское нестроеніе, а отъ нестроенія русской жизни пришла революція. Оправданность пятаго года, повторное свидѣтельство исторической необходимости первой революціи — въ революціи семнадцатаго года. И оправданность послѣдней — въ незавершенности первой.

**

Царь могъ думать и писать впоследствии — : «Если бы всѣ военные начальники дѣйствовали по примѣру полк. Римана I, то Россія не пережила бы такой позорной години 6 лѣтъ тому назадъ» (Резолюція 2-XII 911 г., коею царь удовлетворялъ ходатайство военнаго министра Сухомятина о прекращеніи въ судѣ дѣла, возбужденнаго противъ Римана представителями потерпѣвшихъ отъ его «смертоубійства, нанесенія тѣлесныхъ поврежденій» и иныхъ незаконныхъ его дѣйствій подъ Москвой). В.

Шульгинъ можетъ и сейчасъ считать, что въ пятомъ году тронъ «спасли тѣ, кто зажгли взрывомъ оскорбленнаго патриотизма — взрывомъ, который вылился въ «еврейскій погромъ»; что прямой линіей соединяетъ «русская конституція» начало — еврейскій погромъ съ концомъ — «разгромомъ династiи» (см. «Дни», стр. 262 и 309).

Это не мѣняетъ фактовъ, — того, что въ пятомъ году Римаповъ не хватило, а въ семнадцатомъ году — они и вовсе исчезли: одни по просту измѣнили, а другіе временно и условно на мѣсто флигель-адъютантскихъ аксельбантовъ нацѣпили красный бантъ. И даже самъ Шульгинъ, беззавѣтно преданный монархіи и по днесь, «монархистъ по крови» и «природный черносотенецъ», по собственной его аттестации, въ пятомъ году тронъ «спасавшій» — и временно его, дѣйствительно, спасшій, — накануне революціи 17-го года, «въ безсонную ночь», додумывается уже до того, что «быть можетъ, пожертвовавъ монархомъ, удастся спасти монархію», а вскорѣ, ужъ на яву, ѣдетъ въ Псковъ за самымъ актомъ объ отреченіи отъ престола...

Это символизируетъ политическій путь, пройденный Россіей за двѣнадцать лѣтъ между первой революціей и второй. И когда, въ свѣтъ изжитой четверти вѣка, возвращаешься мыслью къ ея исходному пункту, — удивляешься не тому, что революція пятаго года «случилась», а тому, какъ могла она такъ сильно за поздѣть. Вѣдь потому-то она, несмотря на все свои блестящіе успѣхи, въ конечномъ счетѣ и «не удалась», сдѣлавъ исторически неизбежной новую революцію, въ обстановкѣ еще болѣе трудной чѣмъ въ пятомъ году.

Не я стану отрицать «ошибки» пятаго года, столь характерныя для всякой революціи въ отсталой странѣ, — страши неотсталыя, какъ извѣстно, тѣмъ и отличаются, что для нихъ революціи, какъ правило, не необходимы, — российский тріадный максимализмъ: политическій, социальный и національный, и, на почвѣ утраты чувства реальности, соперничающія другъ съ другомъ доктринерство и демагогію. Наоборотъ, я подчеркиваю, что тѣ, кто, судя по ближайшимъ результатамъ, склонны возвѣстить пятый годъ за счетъ февраля 17-го, когда побѣдила стихійная «солдатеска», а не сознательный рабочій — должны помнить, что самый семнадцатый годъ съ его срывомъ въ октябрѣ сталъ возможенъ только потому, что «сорвался» октябрь 5-го. За неудачу пятаго года пришлось рас-

плачиваться еще горшею неудачей семнадцатаго, — какъ и Франціи революціями 48-го и 70-го г. г. пришлось платиться за незавершенность «славныхъ дней» 30-го года. И французская коммуна продержалась всего недѣли, тогда какъ наша держится уже второе десятилѣтіе, можетъ быть, именно потому, что 48-ой годъ въ своихъ итогахъ все же былъ ближе къ рѣшенію вопросовъ, стоявшихъ передъ Франціей половины прошлаго столѣтія, чѣмъ итоги нашего пятого года къ нуждамъ Россіи нашего времени...

Неотмѣнимо и то, что срывъ 17 года формально связанъ съ побѣднымъ торжествомъ тѣхъ самыхъ Совѣтовъ, которые свое политическое крещеніе получили еще въ пятомъ году. Впрочемъ тому, что утверждаютъ евразійско-младоросскіе и лѣво-эсеровскіе «ребята», идея Совѣтовъ — не истинно-русскаго происхожденія. Крестьянскіе совѣты знала англійская революція еще въ 17-мъ вѣкѣ. Планъ образованія безпартійнаго революціоннаго органа изъ представителей рабочихъ — по одному «депутату» на 500 рабочихъ — былъ въ октябрѣ пятого года впервые выдвинутъ петербургскими меньшевиками. Планъ этотъ находился въ несомнѣнной связи съ идеей рабочаго съѣзда, которымъ увлекались меньшевики того времени, считывая, что такой съѣздъ ликвидируетъ междуфракціонныя разногласія — большевиковъ и меньшевиковъ — въ предѣлахъ единой РСДРП.

Отчасти изъ фракціонныхъ соображеній, изъ оппозиціи къ меньшевикамъ, отчасти и по существу большевики вначалѣ отнеслись къ Совѣтамъ отрицательно, какъ организациі безпартійной, способной вступить въ конфликтъ или соперничество съ революціонными партіями. Улучшенное тогда съ лихвой возмѣщается сейчасъ. Теперь въ Совѣтахъ, какъ «представительствѣ по производству, выражающемъ объективную спайку рабочаго класса, спайку хозяйственную», большевицкіе историки и пропагандисты видятъ уже «міровое достиженіе», необходимую форму побѣдоносной революціи. «Недаромъ, — пишетъ Покровскій въ уже упоминавшемся нами докладѣ, — когда началась германская революція, то она выразилась въ образованіи Совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, и провалъ этихъ Совѣтовъ былъ одновременно проваломъ германской революціи».

Каково бы ни было происхожденіе Совѣтовъ, какъ безпартійно-революціоннаго органа русскаго рабочаго

класса, исторически неизгладимо, что большевицкое «мировое достиженіе», Совѣты, какъ «организация по производству», имѣютъ въ Россіи другую, совсѣмъ мало почитенную генеалогію. Какъ 9-ое января вышло изъ «собранія русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ г. С.-Петербурга», разрѣшеннаго и одобреннаго департаментомъ полиціи, «опредѣлвшимъ» и руководителя Собранія — священника Гапона *), такъ и Совѣты, какъ «представительство по производству», возникли гораздо раньше пятого года, по плану и почину московскаго охраннаго отдѣленія **). Большевицкое «мировое достиженіе» сохранило много чертъ изъ «достиженія» полицейскаго социализма Зубатова и Плеве. Не говоря о формальномъ и «структурномъ» сходствѣ Совѣтовъ, тамъ и здѣсь ставка сдѣлана на «агентовъ изъ среды благонадежныхъ рабочихъ, умудренныхъ долгимъ опытомъ въ искусствѣ управленія толпой»; здѣсь, какъ и тамъ, расчетъ соблазнить «каждо униженнаго и оскорбленнаго» тѣмъ, что онъ найдетъ въ охранномъ отдѣленіи или нынѣшнемъ ГПУ въ обмѣнъ на «благонадежность» — «отеческое вниманіе, совѣтъ и поддержку».

Много дурного можно сказать о пятомъ годѣ, многое сказать про и въ него. Но когда умѣренные круги русской общественности по привычкѣ заявлять монополію на государственный смыслъ и разумъ, видятъ главную неудачу пятого года въ томъ, что либеральному лагерю не удалось заключить соглашеніе съ властью, при чемъ соглашеніе это было сорвано властью и — въ одинаковой

*) Въ опубликованномъ недавно дневникѣ Льва Тихомірова имѣется запись еще отъ 19 мая 1904 г.: «Грингмутъ положительно заявляетъ, что онъ (священникъ Гапонъ, съ которымъ Грингмутъ видѣлся) состоитъ на жалованіи у охраннаго отдѣленія, а въ то же время называетъ его революционеромъ» («Красн. Арх», т. 38).

***) На совѣщаніи фабрикантовъ 26 іюля 1902 г. необходимость Совѣтовъ мотивировалась начальникомъ московскаго охраннаго отдѣленія слѣдующими соображеніями: «Для предохраненія рабочихъ отъ вліянія на нихъ революціонеровъ необходимо расширеніе правъ рабочихъ... Расширеніе должно состоять въ объединеніи рабочихъ каждой фабрики въ отдѣльное цѣлое, имѣющее свой комитетъ, состоящій изъ членовъ, выбираемыхъ рабочими добровольно изъ своей среды... Комитеты отдѣльныхъ фабрикъ даннаго округа должны состоять во взаимномъ общеніи, въ видахъ достиженія однообразности дѣйствій. Общій надзоръ за комитетами сосредотачивается въ

или даже въ большей мѣрѣ крайними элементами (по терминологіи Николая II: «скверными людьми»), мы склонны утверждать, что именно съ исторической точки зрѣнія такое объясненіе совершенно неубѣдительно. Оно близоруко, партійно-предвзято, несогласуемо съ фактами и анти-исторично.

Конечно, ходъ и исходъ событій пятого года опредѣлились въ результатѣ взаимно- и противодѣйствія трехъ силъ, обозначая условно: власти, общества и народа. При этомъ, отвѣтственность первой, власти, за ея ошибки и преступленія не могли и не могутъ быть ни въ какое сравненіе съ отвѣтственностью «общества», или либераловъ, и «массъ», или революціонеровъ и социалистовъ. Ибо власть, какъ извѣстно, была самодержавная, т. е. удерживавшая ключъ ко всемъ рѣшеніямъ въ рукахъ самодержца, въ его индивидуальномъ и нераздѣльномъ усмотрѣніи, тогда какъ и «общество», и «массы» отвѣтственность своихъ сочленовъ и отдѣльныхъ группъ растворяли — и политически, и исторически — въ отвѣтственности цѣлаго коллектива. Надо помнить, съ другой стороны, что, особенно въ самодержавную пору, не народъ имѣетъ такую власть, которой онъ заслуживаетъ, а власть имѣетъ такую оппозицію и революцію, «общество» и «массы», которыхъ она заслужила.

Пусть «крайніе» были и чрезмѣрными максималистами и недостаточно бережно относились къ русской государственности! Этимъ нисколько не опровергается, что все послѣдующія событія полностью подтвердили пра-

охранномъ отдѣленіи, которое въ сѣхъ цѣляхъ назначаетъ особыхъ агентовъ изъ среды благонадежныхъ рабочихъ, умудренныхъ долгимъ опытомъ въ искусство управления толпой. Указанными мѣропріятіями охранное отдѣленіе надѣется свискать себя добрые рабочихъ, которые убѣдятся въ томъ, что каждый униженный и оскорбленный найдетъ въ немъ отеческое вниманіе, совѣтъ и поддержку. Руководствуясь изложенными соображеніями, московское охранное отдѣленіе учредило два «Совета» -- рабочихъ механическаго производства (состоявшихъ по составу входящихъ въ него рабочихъ уже достаточно подготовленными къ корпоративнымъ дѣйствіямъ) и ткачей». (См. опубликованный большевиками въ «Красн. Арх.», т. 11-12 докладъ министра финансовъ Коковцева царю отъ 19 января 1905 г. Въ этомъ докладѣ, поддерживая некую вѣдомственную претензію къ министерству внутреннихъ дѣлъ, глава финансового вѣдомства давалъ свое, очень, правда, близорукое объясненіе причинъ 9-го января)

вильность именно ихъ прогноза, исходившаго изъ невѣрія въ возможность компромисса и честнаго стовора съ анонимнымъ режимомъ. Вѣдь послѣ бурнаго кипѣнія 1905-1907 г. г. прошла еще томительная «пятилѣтка» мертвого штиля, властепослушной, «октябристской» третьей Думы, въ которой «крайними» и не пахло, и даже «оппозиція его величества» притихла. Затѣмъ — четвертая Дума, въ которой война и патриотическая тревога на время объединила и правыхъ, и лѣвыхъ. «Крайніе» уже не мѣшали, а соглашеніе все же не вытанцовывалось. Почему?..

Наиболѣе уязвимый — и въ то же время неизбежный — пунктъ всякой политической борьбы заключается въ томъ, что, борясь противъ одного элемента государства — противъ власти, всегда рискуешь причинить неисправимый вредъ цѣлому — государству въ его «конкретной цѣлости», по излюбленному выраженію современныхъ феноменологовъ. Нельзя коснуться одной стороны «треугольника» (народъ-территорія-власть) безъ риска нарушить — или даже разрушить — всю конфигурацію. Въ борьбѣ противъ нынѣшней власти въ Россіи это остро почувствовали и тѣ, кто въ борьбѣ съ самодержавіемъ внутренней сраженности власти съ государствомъ не замѣчали или о томъ недостаточно тревожились.

Поэтому, когда В. А. Маклаковъ, въ качествѣ историка-прокурора выдвигаетъ противъ русскаго освободительнаго движенія обвиненіе въ томъ, что, борясь съ самодержавіемъ за «права населенія», оно, даже въ лицѣ революціонныхъ к. д.-овъ, фактически вело борьбу противъ русской государственности, противъ «правъ всякой государственности», онъ въ значительной мѣрѣ высказываетъ «общее мѣсто», тривиальную истину. Но эта истина свидѣтельствуетъ не столько противъ освободительнаго движенія, сколько противъ всякой политической борьбы и оппозиціи власти и, больше всего, конечно, — противъ самого обвинителя, такъ поздно спохватившагося, что движеніе, которому онъ ревностно служилъ 12 лѣтъ, всегда за совѣсть и никогда за страхъ, было вовсе не освободительнымъ, а для Россіи разрушительнымъ.

Если бы providенціальная роль к. д.-ской партіи состояла, дѣйствительно, только въ томъ, чтобы «вліяеть» на власть, — «особенно на традиціонномъ пути государственнаго служенія, бывшей въ Россіи вовсе не техническимъ лишь аппаратомъ, но и историческимъ народнымъ пред-

ставительствомъ» (мы привели дословно несообразную формулу нововременца, разводящаго нынѣ самодѣльную историографію на столбцахъ «Возрожденія» и, естественно, весьма сочувствующаго всякому изобличенію освободительнаго движенія), — для чего вообще нужны были к.-д.-ы? Эту миссію съ чрезмѣрнымъ успѣхомъ выполняли и до, и послѣ пятаго года всякіе сановные кружки и группы, и не занимавшіеся специально политикой, но не упускавшіе случая «влиять» на власть или парализовать вліяніе на нее со стороны другихъ: Побѣдоносцева, Витте, Мещерскаго, Трепова, Распутина и т. д. по принадлежности. Для этого не только не надо было к.-д.-ской партіи, не надо было вообще никакихъ политическихъ партій, открытыхъ и общедоступныхъ.

Запоздалыя указанія В. А. Маклакова на то, что противъ возбужденія въ стихійномъ Ахеронтѣ антигосударственныхъ настроеній нужно было принять «энергичныя, отнюдь (!) не репрессивныя, но и не революціонныя мѣры» («Соврем. Зап.» № 43, стр. 310), — конечно, безпредметны. Ибо нѣтъ такихъ мѣръ, которыя, въ качествѣ репрессивныхъ не примѣнили бы Треповъ, Витте, Дубасовъ, Римапъ, Медлеръ-Законмельскій, Столыпинъ и т. д., и т. п., а, съ другой стороны, и въ качествѣ «не-революціонныхъ», не рекомендовали бы въ свое время социалисты, кадеты, октябристы и даже «природные черносотенцы», въ стилѣ Шульгина. Сказать, что мѣры должны были быть «энергичными», значить, — ничего не сказать, ибо и власть, и «революція» въ своемъ противостояніи другъ другу въ оборонѣ, какъ и въ наступленіи считали одинаково необходимымъ проявлять максимумъ энергіи.

Имѣетъ ли смыслъ позднѣйшія свои настроенія подставлять на мѣсто реальныхъ событій прошлаго? А въ реальномъ прошломъ вѣдь не только самому Маклакову были чужды нынѣшнія его настроенія и соотвѣтственныя построенія, — даже не всѣ представители власти въ 1905 г. раздѣляли ихъ. Сейчасъ Маклаковъ считаетъ, что аграрная программа к.-д. съ дополнительнымъ надѣленіемъ крестьянъ землей за «справедливое вознагражденіе» возбуждала въ крестьянствѣ аппетиты и страсти и, потому, подрывала не только помѣстно-дворянское самодержавіе, но и самое государство російское. Но въ пятомъ году за мирное рѣшеніе аграрнаго вопроса путемъ «платнаго принудительнаго отчужденія части частно-владѣльческихъ зе-

мель въ пользу малоземельныхъ крестьянъ» высказывались не только «радикальные члены кабинета графа Витте», Кутлеръ и Путиловъ. Самъ Треповъ «патронировалъ» записку проф. Мигулина объ обязательномъ отчужденіи помѣщичьихъ земель, говоря: «Я самъ помѣщикъ и буду весьма радъ отдать даромъ половину моей земли, будучи убѣжденъ, что только при этомъ условіи я сохраню за собою вторую половину»... И много ли найдется сейчасъ бывшихъ помѣщиковъ, которые не согласились бы въ этомъ пунктѣ съ тайнымъ «секретаремъ» Николая II, а не съ кадетскимъ историкомъ? Кто изъ нихъ не былъ бы «весьма радъ» сохранить хотя бы «вторую половину» своихъ владѣній?!

Ибо если не принудительное отчужденіе, то по существу что же? Оставалась въ такомъ случаѣ только помѣстно-дворянская аграрная программа, программа «черной сотни государственнаго совѣта», по раздраженной квалификаціи Витте въ его докладѣ 2-II 1906 г., — гр. А Игнатьева, Стишинскаго, Штюрмера, Горемыкина, адмир. Абазы, дѣйствовавшихъ, по удостовѣренію того же Витте, черезъ Грингмута, Шарاپова, Никольскаго (доцента) и др. Авторы представленной тогда царю петиціи «осмѣливались доложить его величеству, что въ такой, по преимуществу земледѣльской, странѣ, какъ Россія, аграрный вопросъ является лишь измышленіемъ революціонеровъ и мечта-телей-бюрократовъ, незнакомыхъ съ реальною жизнью страны: русскій крестьянинъ, если не юридически, то фактически и теперь пользуется всею обрабатываемою въ Россіи землею; у него на поприщѣ этомъ нѣтъ конкурентовъ, и на всемъ пространствѣ имперіи нѣтъ ни единой десятины, на которой работали бы не крестьяне. Такимъ образомъ значительный процентъ выручки со всего годового урожая страны попадаетъ въ карманъ крестьянина-работника, при чемъ малоземельные крестьяне, кромѣ участія въ полевыхъ работахъ, всегда могутъ найти себѣ сторонніе заработки по скотоводству, постройкамъ, по службѣ при экономіяхъ и по другимъ статьямъ помѣщичьяго хозяйства»...

Многимъ ли отличаются эти разсужденія отъ разсужденій — и вождѣлнѣй — наиболѣе заядлыхъ крѣпостниковъ въ эпоху освобожденія крестьянъ и частичной «сплоіаціи» помѣстнаго душе-владѣнія?! Именно эта программа въ ея обшихъ линіяхъ и получила въ конечномъ сче-

тѣ высочайшее одобреніе и столыпинское осуществленіе.

Структурно схема разсужденій Маклакова о пятомъ годѣ совпадаетъ съ построеніемъ крайнихъ лѣвыхъ антибольшевиковъ причинъ неудачи 17-го года. Какъ въ срывѣ февральской революціи Черновъ, Мартовъ и др. обвиняли въ свое время умѣренныхъ социалистовъ, фанатически стоявшихъ за «честную» коалицію и, играя въ руку буржуазіи (кадетамъ), фактически сыгравшихъ въ руку только большевикамъ, такъ и Маклаковъ обвиняетъ кадетовъ въ томъ, что, играя въ руку Ахеронту (крестьянству, социалистамъ), они дѣлали дѣло полезное только для самодержавія.

И въ томъ, и въ другомъ построеніи упущено малое — исключена объективная безвыходность положенія.

Когда-то, наканунѣ пятаго года, какъ и наканунѣ семнадцатаго, Маклаковъ отлично понималъ и учитывалъ, что трагически-безвыходное положеніе создается не только творческимъ воображеніемъ, но и реальной жизнью, самой исторіей. Какъ разъ недавно В. А. Оболенскій напомнилъ предреволюціонную «аллегорію» Маклакова: «безумный шоферъ» у руля надъ пропастью и «неопытные», не знающіе, какъ управлять рулемъ «пассажиры» съ «матерью». Какъ ни поступить, — вырвать ли руль изъ рукъ безумца или положиться на него и русское «авось», — объективно и тотъ, и другой исходъ разрѣшались трагично.

Отлично понимая это наканунѣ той и другой революціи, Маклаковъ страннымъ образомъ переставалъ это понимать регулярно послѣ каждой изъ нихъ. Его нынѣшняя «исторіософема» намѣчаетъ возможность какъ будто бы и благополучнаго исхода изъ положенія въ пятомъ году, но достигается этотъ эффектъ цѣною не только осужденія всего освободительнаго движенія — и самоосужденія, — но и путемъ искаженія всей исторической перспективы, въ частности, обстановки пятаго года.

Въ этомъ отношеніи куда ближе къ дѣйствительности — и исторіи — сужденія дѣтописцевъ весьма далекихъ и даже враждебныхъ освободительному движенію, но воспринимавшихъ его непосредственно въ самомъ его ходѣ, безъ претензій на историческую углубленность и безпристрастіе.

«Какъ это ни странно, но правительство есть сегодня тотъ органъ, который подготавливаетъ революцію, пи-

саль царю наканунѣ революціи, 4 февраля 1917 г., членъ «царствующаго дома» вел. кн. Александръ Михайловичъ; — народъ ея не хочетъ, но правительство употребляетъ всѣ возможныя мѣры, чтобы сдѣлать какъ можно больше недовольныхъ, и вполнѣ въ этомъ успѣваетъ. Мы присутствуемъ при необыкновенномъ зрѣлищѣ революціи сверху, а не снизу». И въ самой гущѣ событий 17 года, наблюдая революцію и раздумывая объ ея смыслѣ, столпы и утверждение, краса и гордость русской реакціи Меньшиковъ только и могъ написать: «Всѣ стихіи народа русскаго отшатнулись отъ монархіи, почувствовавъ въ ней народную гибель. Монархъ царствовалъ не на славу намъ, а на безславіе, не на страхъ врагамъ, а на нашъ собственный страхъ. Мы должны быть благодарны судьбѣ, что столѣтія измѣнявшая народу монархію, наконецъ, измѣнила себя и сама надъ собой поставила крестъ. Откапывать ее изъ подъ креста и заводить великій раздоръ о кандидатахъ на рухнувшій престолъ, было бы по моему роковой ошибкой» («Новое Время» 18-III 917).

А его коллега по «Новому Времени» В. В. Розановъ — не чета не только возрожденскому Салтыкову, но и Меньшикову, — спрашивалъ въ пятомъ году: «Можно ли сказать, что русскіе имѣли свою исторію? Сомнѣваемся. Была исторія русскаго терпѣнія, а не исторія Россіи, какъ нравственнаго лица». И самую «свободу» Розановъ объяснялъ «по простецки», но насколько же по существу правильнѣе всѣхъ новѣйшихъ исторіософовъ. Онъ пишетъ «Среди анархіи» — : «Всѣ ждали «октября 1905 г.», — всѣ терпѣли и думали: «ужо я тебя», «ужо мы вамъ», «когда-нибудь сквитаемся». Вдругъ это стало возможно, не активно, а пассивно. Не сговариваясь, не соглашаясь, ибо сговаривались-то сто лѣтъ и давнымъ давно всѣ и обо всемъ согласились, черезъ журналистику отъ Тургенева до репортера, — всѣ и разомъ «оказали неповиновеніе»...

Правда, и неповиновеніе кончилось не лучше предыдущаго русскаго терпѣнія: смѣнившись новой полосой терпѣнія, оно черезъ 12 лѣтъ привело къ новому неповиновенію и опять къ новому, еще горшему по-революціонному терпѣнію. Можно по разному объяснить «странную» русскую судьбу, въ силу которой «почти всѣ наши грезы окан-

чивались Сибирью или казнью и почти никогда торжественно», какъ это подмѣтилъ еще Герцень.

Но одно при всѣхъ объясненіяхъ неотмѣнимо: пятый годъ разъ навсегда разрушилъ легенду о прославленномъ русскомъ терпѣніи, искони присущемъ русской природѣ, русской исторіи и русскому духу *). Пусть и пятый годъ не началъ собой «исторіи Россіи, какъ нравственнаго лица». Онъ во всякомъ случаѣ — непреложное, живое, поучительное и бодрящее свидѣтельство, что и русскому терпѣнію бываютъ и концы и сроки!

Въ этомъ непогашаемое никакими сроками историческое значеніе революціи пятого года. Въ этомъ ея политически-злободневный смыслъ. Въ этомъ же и объясненіе, почему мы поминаемъ добрымъ словомъ этотъ «юбилейный годъ» русской свободы.

М. В. Вишнякъ.

*) Какъ не вспомнить при этомъ записи очевидицы французской революціи, занесенной Жоржъ Зандъ въ «Исторію моей жизни» — : «При видѣ ужасовъ, ареной коихъ была Франція, Европа позволила себѣ приписать ихъ спеціальному характеру и врожденной испорченности большей части великаго (французскаго) народа. Дай Богъ, чтобы другія націи не убѣдились на собственномъ опытѣ, къ какимъ жестокостямъ способны люди всѣхъ странъ»...